

ни опровергнуть. Она возможна, так же как и гипотеза о 957 г. Рассказ Скилицы не содержит достаточных хронологических опор. В такой ситуации решающее значение, как нам кажется, приобретают показания «Повести временных лет», которые прямо противоречат предположению о поездке киевской княгини в Константинополь в 946 г. Текстологическое изучение отрезка Повести за 945—947 гг., начатое А. А. Шахматовым, если бы оно дало какие-либо определенные результаты, а также, возможно, те или иные новые данные были бы весьма желательны для того, чтобы внести больше ясности в этот остающийся дискуссионным вопрос.

РЕПЛИКА К СТАТЬЕ

Предлагая в 1981 г. датировать описанную Константином VII поездку княгини Ольги в Константинополь 946 г., а не традиционно принимаемым в историографии 957 г., я надеялся на дискуссию по этому небезразличному для ранней древнерусской истории вопросу. В последние годы мою аргументацию признали убедительной такие исследователи, как Л. Мюллер, В. Водофф, Ф. Тиннефельд¹. Однако дискуссию в подлинном смысле открывает именно эта статья А. В. Назаренко, представляющая, несомненно, большой интерес. Автор не отвергает полностью возможность отстаиваемой мной датировки (946 г.), но он последовательно и методично ослабляет приводившуюся мной аргументацию, предпочитая прежнюю дату (957 г.). Доводы А. В. Назаренко не представляются мне безупречными, и развернутый ответ автору был бы, казалось, естественной реакцией. Однако я убежден в том, что в ближайшее время нужно дать возможность высказаться по существу доказательств обеих сторон «третьей стороне» — другим ученым. Поэтому я позволю себе здесь пока лишь краткую реплику, не слишком отдаляясь от главного, лежащего в основе спора источника — описания путешествия Ольги Константином VII.

А. В. Назаренко считает мой заключение о восседании 9 сентября царицы Елены и ее невестки (Берты?) на одном троне Феофила основанными на «необязательном прочтении текста». Но это мнение ошибочно, если, конечно, не вводить в текст конъектур. Обе царицы сидели вместе на одном троне во время пира. Невестка до обеда занимала не детское низкое кресло и не могла вообще сидеть (по этикету) на каком-либо ином удобном для девочки сиденье (автор полагает, что таковое могло найтись во дворце). Она занимала до пира *царское* «золотое кресло», т. е. трон, который был ниже трона Феофила не потому, что был детским, а потому, что был предназначен не для автократора и не для старшей царицы, а для соправителей и младших царич. Небрежность автора или переписчика соответствующего пассажа источника (забыл, как предполагает А. В. Назаренко, указать, какое сиденье занимала невестка за столом) в принципе, разумеется, возможна, но следует учесть, что в 15-й главе всюду, где указано, на каком троне восседал василевс (или деспина), *обязательно* отмечено, на чем сидел соправитель — Роман II (или невестка старшей царственной пары). В рассматриваемом же месте речь идет лишь о троне Феофила. На любое же (удобное!) кресло пересадить невестку с низкого трона было нельзя — она царица, хотя и младшая, и могла сидеть также *лишь на троне*.

А. В. Назаренко ошибается, по моему мнению, и в том, что мы недостаточно знаем придворный церемониал и порядок титулования императоров («византийский протокол»). Напротив, эта сторона дела довольно хорошо изучена. В частности, иерархическая последовательность перечня членов правящей семьи в официальных документах соблюдалась неукоснительно. Из упоминаний о невестке в 15-й главе (она всюду названа на последнем

¹ Müller L. Die Taufe Russlands. München, 1987. S. 78; Vodoff V. Naissance de la chrétienté russe. Condé-sur-l'Escaut, 1988. P. 52; Tinnefeld F. Die russische Fürstin Olga bei Konstantin VII und das Problem der «purpurborenen Kinder» // Russia medievalis. 1987. T. VI, 1. S. 30—37.

месте) с несомненностью, на наш взгляд, следует, что у нее еще не было от Романа II детей: ни сына Василия (он родится в начале 958 г.), ни какой-либо дочери, которая была бы старше Василия.

Если бы дело обстояло иначе, то ребенок Романа II и «невестки» был бы непременно «порфирородным». В таком случае мать (вслед за отцом) упоминалась бы ранее своего ребенка. Именно так дважды «деспина» (Елена) упомянута в разбираемом пассаже ранее своих порфирородных детей. Существенно, однако, что в обоих случаях все члены семьи (начиная с деспины) обозначены в качестве *окружения* автократора (он «с деспиною и . . . детьми»), в третьем же случае, когда надо было этих же членов семьи перечислить особо (автократор и соправитель. . . и дети), то для упоминания о деспине не нашлось места (либо это, как я полагаю, пропуск, либо вынужденное умолчание, так как в данной редакции фразы на *втором* месте должен был быть обязательно упомянут Роман II — совазилевс, а не просто один из «порфирородных»).

Итак, если и допустима гипотеза о наличии у Романа II во время описываемых приемов дочери, которая была бы старше Василия, то следует допустить также, что она была внебрачной. Но тогда возникает весьма трудный вопрос о принципиальной возможности двух-четырёхлетнего незаконнорожденного дитяти (отцу в 957 г. было не более 19 лет) присутствовать на официальных приемах.

По сути дела, я считаю приведенные выше контраргументы в статье А. В. Назаренко главными. Что же касается других, то разбор их потребовал бы гораздо больше места. Общеисторическая ситуация в 946 г. у восточных и южных границ империи, по моему мнению, не противоречит свидетельствам Константина Багрянородного в 15-й книге столь радикально, как думает А. В. Назаренко. Характер же русско-византийских отношений в 946 г. оправдывал поездку Ольги в Константинополь в большей мере, чем в 957 г. Особых хронологических затруднений, в отличие от автора статьи, я здесь не вижу. Летопись не исключает кампании Ольги против Искоростеня в 945 г., а не в 946 г. (кризис на Руси — восстание древлян — был, как я думаю, ко времени поездки Ольги уже ликвидирован).

Г. Г. Литаврин